

В.А. Ильных

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Исследование данной проблемы имеет непосредственный выход на решение ряда важнейших вопросов историографии России и ближнего зарубежья: методов решения аграрного вопроса, взаимоотношений государственной власти и крестьянства, межэтнического взаимодействия. Практическая значимость научного анализа связана с обострением миграционного вопроса в современных условиях.

Объектом исследования в настоящей работе выступает аграрный строй, под которым понимается динамически развивающаяся система экономических, социальных и политических отношений в деревне. Территориальные рамки ограничиваются Сибирью, хронологические – началом XX в. Предметом анализа является аграрное переселение, которое являлось доминирующим типом миграций в регионе в искомый период. Цель работы заключается в выявлении социальных последствий массового аграрного переселения в Сибирь в начале XX в.

В центре внимания ученых, исследующих миграционные процессы в регионе в начале XX в., традиционно находится переселение крестьян в годы столыпинской аграрной реформы. Советские историки оценивали правительственную переселенческую политику в целом негативно. В постсоветский период данная позиция сменилась на противоположную. В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость объективного анализа социальных и экономических последствий массового аграрного переселения в Сибирь.

Значительно увеличить масштабы переселения крестьян в Сибирь позволило сооружение Транссибирской магистрали. Одним из следствий массового аграрного переселения стало существенно превышающее естественный прирост увеличение сельского населения края и числа крестьянских дворов. Пик переселенческого движения пришелся на годы столыпинской аграрной реформы. С 1861 по 1896 гг. в Сибирь переселилось 1,2 млн чел., в 1897–1905 гг. число переселенцев, осевших на жительство в регионе, составило 640 тыс. чел., в 1906–1909 гг. – 1458 тыс., в 1910–1914 гг. – 579 тыс. чел. [1, 39; 2, 21].

Более половины переселенцев водворилось на территорию Томской губернии: 1403 тыс. чел. за 1897–1914 гг. В пределах губернии переселенцев привлекали в первую очередь плодородные земли Алтая. Акмолинская область за те же годы приняла 536 тыс. чел. С 1897 по 1914 гг. сельское население Сибири выросло с 5,3 млн до 9,2 млн чел. 55% прироста обеспечили крестьяне-переселенцы. Число крестьянских хозяйств в Сибири выросло с 820 тыс. в 1897 г. до 1400 тыс. [2, 19, 21; 3, 6]. В 1917 г. в Томской губернии количество хозяйств, по нашим подсчетам, увеличилось в 2 раза.

Переселенческое движение способствовало ускорению роста производительных сил аграрной экономики региона. Посевные площади в принявших около 3/4 переселенцев Томской губернии и

Акмолинской области с 1897 по 1914 гг. увеличились в 3,3 раза. В Томской губернии прирост поголовья в 1914 г. по сравнению с 1905 г. составил по лошадям 81%, по крупному рогатому скоту – 60, по овцам и козам – 70, по свиньям – 228% [4, 321; 5, 381].

Массовая миграция изменила социально-политическую обстановку в Сибири. Крестьяне-переселенцы, фактически растворившие в ряде земледельческих районов края старожильческое население, несли в своей ментальности высокий заряд социальной конфликтности. Они не могли ментально стряхнуть с себя накопленную в местах своего прежнего проживания негативную реакцию на социальные противоречия. Кроме того, переселенцы, по определению, были неконформистами. К радикальной смене места жительства их подвигла неудовлетворенность своим общественным и имущественным положением, а также социальными порядками, которые мешали изменить социальный статус. Но и в местах своего водворения внутренняя социальная конфликтность переселенцев имела базу для внешней реализации. Основой этого служила имущественная дифференциация. При этом следует отметить, во-первых, что разница между бедными и зажиточными крестьянами в Сибири была больше, чем в центральных областях России. Во-вторых, имущественная дифференциация часто проходила по линии переселенцев – старожил. Старожильческие хозяйства в большинстве своем были более зажиточными, нежели переселенческие.

Противоречия со старожилками возникали и в сфере землепользования, особенно в том случае, если переселенческие участки имели более низкое качество, чем старожильческие. Но и старожилы имели основания для недовольства. Переселенцам могли отдать земли, которыми они ранее владели либо считали потенциально своими. Землю сверх 15-десятиной нормы отрезали у 20% крестьян-старожилков. Их землепользование в Алтайском округе сократилось на 6%, в Енисейской губернии – на 10,5, в Иркутской губернии – на 16,3% [6, 23]. В Алтайском округе многочисленные переселенцы составили конкуренцию старожилкам в получении в аренду кабинетских земель.

Устройство переселенцев также вызывало острое недовольство со стороны скотоводческого аборигенного населения, которое лишилось большей части ранее принадлежавших им угодий. Так, в ходе землеустроительных работ в Иркутской губернии из 2 млн дес. земли, находившейся в пользовании бурят, было изъято около 0,9 млн, или 47%. В Забайкальской области их землепользование к 1917 г. сократилось на 30,4% [6, 23].

В результате развернувшихся в 1917 г. стихийных аграрных преобразований социальное напряжение в деревне возросло. Противостояние разворачивалось в т. ч. по линии казаки – крестьяне, переселенцы – старожилы, земледельцы – скотоводы. Данное противостояние стало одной из сторон Гражданской войны. Но Гражданская война не решила большинство из этих противоречий, и они остались и после установления советской власти.

Обострению социальных противоречий способствовало и наличие в сибирской деревне достаточно большого количества т. н. неприписанных

крестьян. Таковыми являлись самовольные переселенцы, не получившие от государства или общины своего земельного участка. Абсолютное большинство из них либо были батраками, либо имели небольшое хозяйство на арендованной земле. Во время Первой мировой войны контингент неприписанных селян пополнился за счет беженцев. В итоге к 1920 г. в Сибири оказалось 500 тыс. неприписанных к земельным обществам лиц. В 1921–1922 гг. в регион хлынул поток беженцев из пораженных голодом районов Поволжья. Только в 1921 г. в край прибыло около 175 тыс. „голодобеженцев” [7, 48, 57].

Неприписанные крестьяне и „голодобеженцы” представляли собой наиболее социально обездоленную часть населения. Если столыпинские переселенцы привозили с собой часть имущества и получали от правительства реальную помощь для обустройства хозяйством на новом месте, то стихийные мигранты приходили в Сибирь практически без всякого имущества. Под давлением советского государства они приписывались к общинам и получали наделы, но не могли обрабатывать их собственными силами, поскольку не располагали ресурсами для покупки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Помощь, оказываемая им в период „военного коммунизма”, была недостаточной, а после введения нэпа ее фактически свернули. Кредиты получали более зажиточные селяне, способные обеспечить их возврат. Землеустройство стало платным. Кампания кредитной и иной помощи бедноте развернулась только в конце 1920-х гг., но ее эффективность оказалась достаточно низкой. Более того, несмотря на усилия властей, в 1927 г. в Сибирском крае оставалось неприписанными 275 тыс. сельских жителей [8, 45].

Массовое переселение оказало заметное воздействие на общинный строй сибирской деревни. Крестьянская община в Сибири существенно отличалась от ее российско-европейской праматери. Отсутствие земельной тесноты делало вмешательство в землепользование своих членов минимальным. Основные усилия общины как таковой сосредоточивались на социально-нравственном контроле. Однако и здесь следует иметь в виду отсутствие многовековых традиций его осуществления. В условиях неполной аграрной оседлости многие общины в регионе были достаточно молодыми, и их члены не имели длительного опыта совместного общежития. Появление в этих общинах большого количества переселенцев могло привести к размыванию еще не до конца сложившихся общинных традиций. Как уже указывалось выше, переселенцы по своей сути были нонконформистами и фактически бежали от жестких общинных порядков у себя на родине. Кроме того, конкретные общинные традиции в местах их прежнего проживания имели существенные различия.

В уже существующие деревни селились семьи не только из разных губерний, но и из разных субэтносов и даже этносов. Каждая группа переселенцев обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. Старожилы, оставшиеся в меньшинстве, естественно, не были способны их абсорбировать. В результате внутри официальных общин

формировались мини-общины по этническому или географическому принципу. В качестве примера можно привести с. Половинное (ныне Краснозерского района Новосибирской области), в котором родился автор данной работы. Улицы села до их переименования в годы советской власти имели следующие названия: Сибирская, Тобольская, Воронежская, Черниговская, Херсонская. На Сибирской улице жили старожилы, на остальных – переселенцы из одноименных губерний, в т. ч. переселившиеся „из Сибири в Сибирь” (из Тобольской губернии).

Многие переселенческие поселки вообще не имели старожильческого населения. И здесь общину нужно было строить с „чистого листа”. Примером может послужить образованный в 1911 г. переселенческий поселок Александровский (ныне пос. Александровка Завьяловского района Алтайского края). Самое большое количество вселившихся в него семейных дворохозяев дали украинские губернии. 34 из их общего количества прибыло из Черниговской, 33 – из Харьковской, 17 – из Полтавской, 13 – из Екатеринославской, 4 – из Таврической губерний. Из русских губерний наибольшее количество переселенцев пришло из Курской (19 дворов), Тамбовской (16 дворов) и Воронежской (13 дворов). Из Саратовской губернии переселилось четыре семьи, из Орловской и Тобольской – по одной семье. Пять семей белорусов прибыло из Минской и Могилевской губерний [9, 204].

Создать новую деревню или вселиться в старую могли не только русские, украинцы и белорусы, но и более инонациональные и иноконфессиональные группы. В целом по Сибири число сельских обществ с 1898 по 1912 гг. увеличилось более чем в полтора раза, в т. ч. в Акмолинской области и Томской губернии – в два раза [10, 93]. Часть из них была создана в процессе продолжающейся достаточно интенсивной внутривнутрирегиональной миграции. В ней участвовали как переселенцы, так и старожилы.

Абсорбция переселенцев была возможна в тех деревнях, в которых они составляли меньшинство. Однако, вынужденно подчиняясь общим правилам, переселенцы не всегда считали их правильными. Кроме того, в подобных деревнях уже упомянутые социальные противоречия между старожилыми и переселенцами были более предметными, а следовательно, и более острыми.

Массовая миграция имела не только социальные, но и этносоциальные последствия. К середине XIX в. в Сибири сложился субэтнос русского этноса – сибиряки, или сибиряки-старожилы, как их определяли, противопоставляя переселенцам. Это была действительно субэтническая, а не чисто географическая группа со своим специфическим набором ментальных, социальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик. Абсолютно большую ее часть составляли крестьяне. Массовое переселение привело сначала к полиэтнизации и полисубэтнизации сибирской деревни, а впоследствии к ее десубэтнизации. Доля старожилов (включая казаков) в общей численности крестьянского населения региона (без учета представителей аборигенных этносов) в 1897 г. составляла 61%, а в 1914 г. – 40% [11, 144].

Абсорбція численно превосходящей группы была невозможной. Более того, сами сибиряки-старожилы начали терять свою субэтническую специфику и вместе с переселенцами, в конечном итоге, превратились в географическую группу русского этноса. Одним из механизмов десубэтнизации региона стали межгрупповые браки.

Таким образом, массовое аграрное переселение в начале XX в. ускорило развитие аграрного производства в Сибири. Однако за внешним успехом таились скрытые риски. Они заключались в нарастании социальной напряженности, размывании общинных порядков, атомизации деревни. Разобщенность сибирской деревни явилась одним из факторов, который впоследствии облегчил большевистскому режиму проведение хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг., а затем и форсированной коллективизации. Кроме того, сибирское крестьянство к этому времени имело в своей среде группу, многие представители которой содействовали проведению аграрной политики советского государства, потому что искренне считали, что раскулачивание и коллективизация будут способствовать улучшению их материального благосостояния. При этом армию сельских активистов формировали не только маргинальные слои деревни, но и способные к конструктивной деятельности крестьяне из числа „голодобеженцев” и иных вынужденных переселенцев.

1. *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* – Новосибирск, 1983.
2. *Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв.* – Новосибирск, 2011.
3. *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890 – 1920-е гг.* – Новосибирск, 2007.
4. *Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября.* – Иркутск, 1966.
5. *Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX.* – Новосибирск, 1967.
6. *Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: Очерки истории.* – Новосибирск, 2008.
7. *Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг.* – Новосибирск, 1987.
8. *Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму.* – Новосибирск, 1973.
9. *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни.* – Новосибирск, 1995.
10. *Население Западной Сибири в XX веке.* – Новосибирск, 1997.
11. *Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.).* – Новосибирск, 1976.

О. В. Крупенко

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ПОЛТАВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ ТА ЇХ ВПЛИВ НА СПЕЦИФІКУ ГОСПОДАРСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ СЕЛЯНСТВА У ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ XIX – НА ПОЧ. XX СТ.

Проблема капіталізації українського суспільства в другій половині XIX ст. залишається актуальною суспільно-політичною і науковою задачею. Для її вирішення важливим є виважений аналіз досвіду минулого. Пореформений період став для

Наддніпрянщини часом змін, які охопили практично всі сфери життя держави і суспільства. Відбувалася корінна трансформація системи політичних і економічних відносин, формувалася нова соціальна структура, змінювався психологічний склад характеру людей.

За останні роки вийшло достатньо праць, в яких розглянуто різноманітні аспекти цієї теми. Важливо, що українські історики враховують світовий історіографічний досвід, а зміна методологічних орієнтирів призвела до перегляду напрямів наукових досліджень. Зокрема, питання про необхідність нових підходів до висвітлення проблем селянства другої половини XIX ст. ставлять у своїх працях Ю.П. Присяжнюк, О.В. Заєць та ін.[1]. Предметом вивчення істориків є різні аспекти теми: зміни у характері виробничих відносин на селі; динаміка суспільної свідомості українського селянства в період індустріалізації; соціально – психологічні аспекти модернізації та процес усвідомлення нових умов життя і складність адаптації до них.

Водночас недостатньо висвітленими залишаються питання щодо впливу різних факторів на формування світогляду селянина та його господарську діяльність. Автор статті, спираючись на опубліковані статистичні дані, ставить за мету визначити природно – географічні особливості Полтавської губернії та їх вплив на ментальність, характер та рід занять селянства. Зазначимо, що тільки комплексний підхід до вивчення дасть можливість реконструювати образ українського селянина як носія певних уявлень, настроїв, який мав свій погляд на економіку, політику, релігію та мораль.

У 2 пол. XIX ст. до складу Полтавської губернії входило 15 повітів: Гадяцький, Золотоніський, Зінківський, Кобеляцький, Костянтиноградський, Кременчуцький, Лохвицький, Лубенський, Миргородський, Переяславський, Пирятинський, Полтавський, Прилуцький, Роменський і Хорольський. Загальна площа території на 1910-1913 рр. становила 4.519.462 десятини або 43389 квадратні версти. Губернія розташовувалася практично на одній висоті з Чернігівською, маючи при цьому фізичні особливості, що зумовлювали економічну специфіку краю. Вся її поверхня була досить неоднорідною. Найбільшої висоти досягали північно-східні повіти – Роменський, Гадяцький, Зінківський і Костянтиноградський. Нижче розташовувалися Прилуцький, Лохвицький, частини Миргородського, Лубенського і Полтавського повітів. Решта території розміщувалася у долині Дніпра, хоча і в межах таких низовин зустрічались значні підйоми. Загалом поверхня регіону являла собою правильну пологість із двома схилами: один – на південному заході, другий – на південному сході. Саме вони і визначали напрямки головних річок губернії: Дніпра та його приток Сули, Ворскли та Псьол. Варто зауважити, що по всій місцевості зустрічались яри та балки, атмосферні та ґрунтові води утворювали у них обвали і тріщини.

Велике значення на розвиток виробничих сил у регіоні мали не тільки залізниці, але й річковий транспорт. Головною водною артерією України був Дніпро. На його басейн припадало 91% судоходних шляхів Лівобережжя, а на 1890 р. по річках курсувало 220 пароплавів, які транспортували вантажі вагою більше 1,2 млн. пудів. Упродовж 1861 – 1895 рр. обсяг